

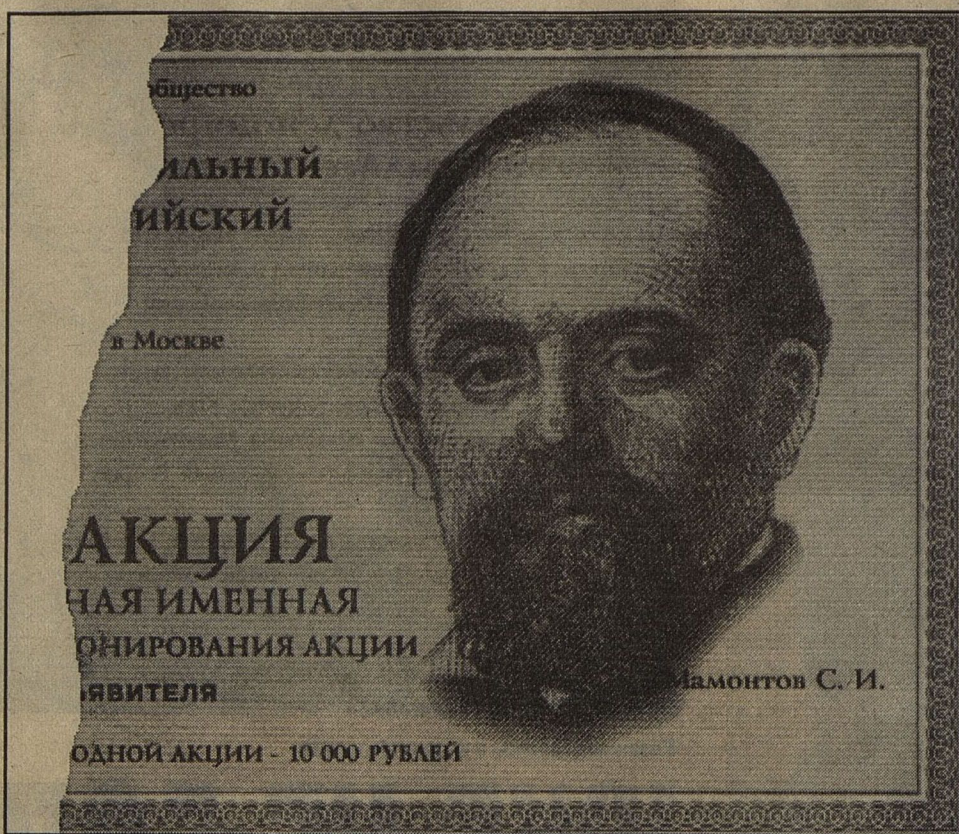
«Савва Великолепный». Авантюрист и за-
тейник. «Московский Медичи». И это все о
нем — Савве Ивановиче Мамонтове, круп-
ном промышленнике, предпринимателе, ме-
ценате.

Столица восхищалась и благоговела перед
ним. Сплетничала, злословила на его счет,
негодовала. И — любила. Она же — самодо-
вольная и купеческая, — возведя на пьедестал
всеобщего поклонения, сбросила и разорила.

Мамонтова арестовали, обвинив в государ-
ственной растрате. Во время обыска нашли
при нем револьвер, 53 рубля 50 копеек и пред-
смертную записку: «Тянуть более незачем:
без меня все скорее и проще разрешится.
Ухожу с сознанием, что никому зла намерен-
но не делал. Кому делал добро, тот вспомнит
меня в своей совести. Фарисеем не был ни-
когда».

Хотел застрелиться, но не успел

Застрелиться Савва не успел. Его судили.
Дело Мамонтова, шумевшее в начале ны-
нешнего столетия, до сих пор считается запу-
танным и темным. С блестящей, вдохновен-
ной речью в защиту Саввы выступил на про-
цессе известный адвокат Плевако. Свидете-
ли, проработавшие с председателем акцио-
нерных компаний Мамонтовым много лет,
дали ему служебную характеристику: «Отец
родной, добрая душа. Другого такого не бу-
дет». Прокурор Курлов подвел обвинитель-
ную речью черту: «Из Мамонтова сделали ку-

действующую Донецкую дорогу. В ответ по-
лучает встречное предложение — купить за-
вод паровозов в Петербурге в сильно запу-
щенном состоянии. Государство нуждалось в
заводе. Министр финансов Витте одобрил
делку. А спустя время сам же направил ревизи-
ю и выступил инициатором, чтобы по делу
о задолженности завода было начато след-
ствие. С ходу были выявлены злоупотребле-
ния и растраты. Мамонтова арестовали.

Его предали друзья

Подоплека? Версий не так уж много. Пер-
вая — самая простая и очень понятная нам:
Мамонтов пострадал в борьбе казенного и
частного капитала. Замахнулся на лакомый
кусочек, суливший ему в случае успеха милли-
онные прибыли и устойчивое положение в
качестве самого богатого человека в России.
Вторая — тоже не лишняя основания и
очень актуальная на сегодняшний день: Ма-
монтов оказался крайним в конкурентной
борьбе двух враждующих министерств —
юстиции и финансов. И двух министров —
Муравьева и Витте. Договор о переводе денег
из кассы акционерной компании в кассу Пе-
тербургского завода был юридически неза-
конным. Узнав об этом, Муравьев решил
уничтожить Мамонтова, подкосив тем самым
Витте. Благоразумный министр финансов до-
гадался принести в жертву Савву. И справил-
ся с этим блестяще. Вот откуда, значит, исто-
рия отечественного предпринимательства бе-

ОН ГОВОРИЛ «ЧЕСТНОЕ КУПЕЧЕСКОЕ», И ЕМУ ВЕРИЛИ

Современным бизнесменам стоит вчитаться в биографию Саввы Мамонтова

мира там, где не было даже пьедестала». И
все-таки присяжные оправдали: «Не вино-
вен!» Под взрыв аплодисментов Савву осво-
бодили из-под стражи.

Мамонтову было пятьдесят девять. С
прошлой жизнью в прекрасном особняке на
Садовой, подаренном еще отцом, — поконче-
но. Мебель, коллекция картин, старинное
оружие, скульптуры конфискованы. Старей-
ший и большой от перенесенного потрясения,
Савва Иванович уединился на хутор Бутырки.
Там в собственной гонимой мастерской
самозабвенно и радостно трудился до послед-
них дней, находя в творчестве вдохновение и
покой.

И только спустя много лет, во время пер-
вой мировой, когда так пригодились отстро-
енные Саввой Ярославская и Архангельская
железные дороги, заслуги Мамонтова при-
знали. И кинулись задним числом восхвалять,
называя «настоящим русским», сравнивая с
колотцем, в который так опрометчиво плю-
нула Россия. Газета «Русское слово» писала о
нем: «Есть у нас пословица: «Кого люблю,
того и бью. Должно быть, мы очень «любим»
наших выдающихся людей. Потому что бьем
их без всякого милосердия...»

...Уходил Мамонтов морозным днем 1918-
го. Старику было 77. Возле гроба, устано-
вленного в пустом, гулком зале Ярославского
вокзала, собрались только близкие и родные.
Толпы благодарных друзей и верных сорат-
ников не было. Случайный прохожий, узнав,
с кем прощаются, горько заметил: «Такого
человека похоронить как следует не могут».

Бог дал ему особый талант — притягивать
к себе умных людей и возбуждать в них спо-
собность к творчеству. От природы дарови-
тый, образованный, сам — певец, скульптор,
драматург, Савва имел потрясающее чутье на
талантливых людей. Он был душой творче-
ского объединения, вошедшего в историю
русского искусства под названием «Абрамце-
вский художественный кружок».

Поддерживал революцию. В оперном искусстве

Человек русской души, необузданного тем-
перамента, Савва активно воздействовал на
людей искусства. Под его вдохновляющим
деспотизмом с благодарностью творили буду-
щие гении кисти — Репин, Васнецов, Несте-
ров, Полленов. На его средства жили и выста-
влялись любимцы мамонтовского кружка —
Костенька Коровин и Миша Врубель. От-
крытием таланта и славе обязаны Мамонтову
Мусоргский и Шалляпин. Прославленный рус-
ский бас учился в Италии на средства Саввы.

Савва успел. В душе он был больше худож-
ником, чем дельцом. Боялся очерстветь и за-
чакнуть в пошлой чиновничьей среде, где
«кровь надобно иметь холодную, как лед, ка-
мень на месте сердца, лопаты на месте рук».
О себе самом говорил: «Может, и правда,
дело мое — искусство, а не строительство

железных дорог. Только знать бы, где оста-
новиться. Да и как остановиться, когда одно
дело цепляет другое, один проект порождает
другой».

Идея создания первой в России частной
оперы больших восторгов не вызвала. В 1899
году открылся третий и последний сезон.
Савва понял, что потерпел поражение. Пу-
блика не приняла театральной революции,
которую он с таким воодушевлением го-
товил.

В обществе Мамонтова держали за чудака,
не знающего, куда и как пристроить свои не-
сметные богатства. Но в среде людей умных
и образованных имя Саввы приобретало все
большую известность как имя предпринима-
теля расчетливого, решительного и на ред-
кость удачливого.

...У Ивана Федоровича и Марии Тихонов-
ны Мамонтовых было восемь детей. Сыно-
вей Савву, Анатолия и Николая воспитывали
на столичный манер. Учили музыке, несколь-
ким языкам. Братья дошли до того, что день
изъяснялись на немецком, другой — на фран-
цузском, изучили языки в совершенстве.

Учился торговать в Персии и петь в Италии

Савва поступил на юридический факультет
Московского университета. Увлечен теат-
ром, играл на любительской сцене с самим
А. Н. Островским. Отец — сам типичный
представитель «темного царства», увидев
сына в роли Кудряша в «Грозе», попытался
выбить из сына дурь и позорную блажь. Раз-
разился крутым отеческим гневом и назида-
тельным письмом: «Ты, Савва, вовсе обле-
нился. Перестал учиться. Предался столич-
ным, пустым удовольствиям — музыкантство,
петь и кувираться в драматическом кружке.
Что из этого вышло? Пустота в голове, сла-
бость в теле и мучительный упадок в харак-
тере».

Дабы почувствовать, каково добывать ка-
питал для вольной жизни своим трудом, отец
удалил Савву из Москвы в Баку на нефтяные
промыслы. Затем отправил в Персию учить-
ся торговать. Савва подчинился, чем вызвал
к себе расположение отца. Старшим сыно-
вьям Иван Федорович не доверял. А Савву по
простоватости года испытаний амнистировал.

...Москва 60-х прошлого столетия меня-
лась на глазах. Уходила в прошлое Москва
николаевская. Исчезали будничники с алебар-
дами, рыдваны с выездными лакеями на за-
пятках. Исчезал дух покорности и солдафон-
ства. Нарождалась послереформенная Мо-
сква. Студенты ходили в штатском. Появи-
лись стриженные девицы в синих очках. О них
распускались небывшие. Обыватели шараха-
лись.

Иван Федорович, имевший поразительный
нюх на доходные дела и предприниматель-
ство, решает со временем передать Савве ве-
дение общего семейного дела. И отправляет
его учиться бизнесу в Италию. Это был опро-
метчивый шаг. Савва с большим рвением по-
стигал школу итальянского пения, нежели
коммерцию. И чуть было не подался на опер-
ную сцену. Но грозный предок — остановил.
Отозвал в Москву и начал постепенно вво-
дить в свои дела — держателя акций желе-
зных дорог.

Люди, близко знавшие Мамонтова, уверя-
ли, что был он дельцом и предпринимателем,
таким же вдохновенным и азартным, как и
скульптором, и меценатом. И дела у него шли
на лад до тех пор, пока не задумал Савва
начать строительство северных железных до-
рог, заболел идеей создания Русской Норве-
гии. Он предлагает казне выкупить у него

В книге истории современного российского предпринимательства пишутся пока только
первые страницы. Но прецедентов, схожих с мамонтовским, хватает. В «деле Констан-
тина Борового» тоже немало тайн и загадок. Самому Константину Натановичу все
видится ясней и проще:

— Всякий раз, когда некто пытается всколыхнуть систему, нарушить привычный ход
общественной жизни, срывается закон противодействия. С Мамонтовым произошло
подобное. Главное условие — не высовываться, не плыть против течения. Иначе ока-
жешься в зоне уничтожения. С тобой попытаются расправиться.

Когда в 90-м году создавалась наша биржа, все эти аварии, покушения могли бы
показаться ерундой в сравнении с тем, что тогда грозило. Могли посадить, убить. Я
посмел войти в зону риска. Но без этого не было бы прогресса, рыбка вперед.

Последние годы мной двигала ненависть к системе. Начал активно противодейство-
вать. Высунулся. Нарушил закон сохранения. И — получил.

И все-таки мое тщеславие удовлетворено. Удалось изменить ситуацию. У меня —
получилось. Остальное — ерунда.

Возможно, будь мне, как Савве Мамонтову, 59, когда его судили, тоже, может, сло-
мался. Все бросил. Жена, друзья так и советуют сделать. Заставляют подлечь, если
не в кремлевской, так в лондонской больнице. Но мне — 45. Есть энергия, силы. И потом
все эти недавние события — такой потенциал, такой заряд, что питают и поддерживают
меня. Система — среагировала. Значит, усилия были не напрасны. Буду продолжать в
том же духе. Не сомневайтесь.

Елена ЛЕВИНА

Mamontov Sava

23.03.94